

АМУРСКИЕ МОЛОКАНЕ: РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ

Н.Г. Архипова

МОЛОКАНЕ НА АМУРЕ: ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ И БЫТА

*Церковь — не в бревнах, а в ребрах.
Токмо умом в себе молитися, без икон и поклонов.
Из заповедей молокан.*

Молокане – одна из разновидностей духовных христиан, возникшая в результате антицерковного движения крестьян в России. Выступая против официальной церкви, молокане испытывали давление со стороны правительства.

Появление молоканства относят к XVIII в. Возникло оно на территории Тамбовской губернии Российской империи. Основателем секты считают Семёна Уклеина, тамбовского крестьянина.

Отделившись от духоборов, новая религиозная группа называла себя «духовными христианами» по давней русской традиции, которая противопоставляла церковному обряду действие Слова Божьего и Духа Святого на душу верующего. Молоканами их впервые назвала Тамбовская «духовная консистория в 1785 г. за то, что они, не соблюдая постов, пьют молоко. Они согласились с этим названием, приняли его, утверждая, что «возлюбили чистое словесное молоко», о котором говорится в Слове Божьем, чтобы от него возрасти им во спасение» [1, с. 40]. Молокане учили, что люди не должны властвовать над теми, в кого вселилось учение Христово. Поэтому истинные христиане должны избегать рабства у помещиков, военной службы, присяги, участия в войне. Молокане жили мыслью о том, что они создают Царство Божие на земле и не должны «сообразоваться с веком сим» [Там же].

И в настоящее время молокане отрицают церковь, церковную иерархию, пост, иконы и богослужебные обряды официального православия. Они признают Библию, особенно почитают Ветхий Завет. Библия у них ассоциируется с образом «духовного молока», которым «окормляется» человеческая душа. Моления у молокан совершаются в молельных домах, где верующие поют библейские тексты.

В их учении большое место уделяется предсказаниям скорого наступления второго пришествия Христа и установления на земле тысячелетнего царства Божьего. Молоканские общины управляются выборными руководителями-наставниками и старцами-пресвитерами. Богослужение молокан состоит в чтении Библии и пении псалмов.

Уже в XIX в. молоканство разделилось на многочисленные течения. Некоторые сохранились до настоящего времени: прыгуны, максималисты, постоянные, общие и др. До 1917 г. насчитывалось около 1 млн. молокан. В настоящее время они представлены небольшими группами в Закавказье, на Украине, в Молдове, в Тамбовской и Оренбургской областях, на Дальнем Востоке. Всего членов молоканских общин насчитывается до 300 тыс. Их единоверцы живут и за рубежом: в США, Аргентине, Боливии, Канаде, Австралии [2, с. 3; 3, с. 71-73].

В основу молоканского учения были положены идеи западного протестантизма, а социальной базой секты стало свободное крестьянство. Поскольку в учении молокан отмечалось непризнание божественного происхождения верховной власти и земных законов, отказ от насилия, вплоть до отказа от защиты Отечества, идея избранности, они всегда были гонимы: и в царское время, и в советское. В начале XIX в. небольшая часть молокан компактно проживала в Таврии (Мелитопольский уезд), изолированно от остального русского народа. Большая же часть молокан продолжала жить в южнорусских и центральных губерниях среди православного населения. С конца 30-х гг. XIX в. наиболее активных молоканских пропо-

ведников стали высылать в Закавказье, а в 40-е гг. началось добровольное массовое переселение туда молокан из Тамбовской, Самарской, Оренбургской и других губерний России. Они основывали в Закавказье поселения, главным образом на территории современного Азербайджана и Армении, хотя много молокан продолжало оставаться и во внутренних губерниях России [4, с. 12-14]. Поскольку в XVIII и XIX вв. слово «православные» воспринималось как синоним слова «русские», молокане, разошедшиеся с Православной Церковью, осознавали себя не русскими, а особым народом Божиим. Конфессиональные особенности молокан наложили сильный отпечаток на их культуру, которая, несмотря на русскую основу, приобрела существенные отличия от культуры их этноса. Осознание своих культурных и религиозных особенностей, богоизбранности, общего исторического прошлого и позитивная этноконфессиональная идентичность в сочетании с негативным восприятием официальной религии русского народа и соседей-кавказцев – все это способствовало тому, что они смогли на протяжении длительного времени существовать и сохранять свою уникальную культуру.

В конце XIX – начале XX вв. происходило массовое переселение молокан из Таврии, Закавказья, Тамбовской губернии на Дальний Восток.

В 2005 г. студентами и преподавателями филологического факультета Амурского государственного университета была совершена диалектологическая экспедиция в села Тамбовского и Константиновского районов Амурской области: Жариково, Раздольное, Тамбовку, Толстовку, Гильчин, Косицино, Верхний Уртуй, Нижний Уртуй. Все эти села были образованы молоканами. Переселение молокан в Амурскую область происходило с середины XIX в., главным образом, из Тамбовской, Саратовской, Воронежской губерний Российской империи, а также из Таврии. Переселялись семьи Косицыных, Саяпиных, Умрихиных, Лиштаевых, Поповых, Тулуповых, Мясниковых, Горловых, Филимоновых и др.

Жители Гильчина с большой любовью рассказывают о прошлом своего села: *«Стояли еще эти бревенчатые дома. Красивые, крашенные, все под шатровыми крышами, оцинкованные. И у всех домов кружева беленькие были. Ставни были. Все было. Ворота, как говорили, заплот назывался по-молокански»* (здесь и далее приводятся высказывания потомков первых амурских молокан).

Молокане – очень трудолюбивые люди. Много работали сами и держали наемных работников, труд которых ценился достаточно высоко. Работники были всегда сыты и одеты.

По воспоминаниям информантов, молоканские семьи отличались порядочностью и чистоплотностью: *«Посуда у них блестит, да все было чистенько. Чистоплоты они были очень».*

Молокане не употребляли в пищу свинину, так как считали, что *«свинья на небо не смотрит, с Богом не разговаривает»*; *«Чушек не ели мы. Вот на небо не смотрит она».*

В молоканских селах Амурской области не было церквей, религиозные обряды совершались в *моленной*. Моленная (или молебная) – это специальное помещение, чаще всего нежилой дом, в котором собирались верующие на богослужения. Руководил моленной и службой старец-проповедник, пресвитер, выбираемый из числа пожилых, особо религиозных молокан. Икон не было, так как считалось, что Бога никто видеть не может: *«Молокане только в Бога веруют, в душе его держат, а чтобы видали его – нет, этого не было».* Детей молокане не крестили, однако с малых лет дети наизусть заучивали молитвы, которые вместе с родителями читали на богослужениях и в быту. Приступать к еде разрешалось только после прочтения молитвы, которая произносилась исключительно стоя: *«Они молились, крест на себя накладывали, либо руки по швам... И те же самые молитвы, что у вас»*; *«При молебнии женщины такие благообразные, такие чистенькие, платочки накрахмаленные, беленькие».*

Обряды венчания и похорон совершал проповедник, светские песни не исполнялись, только религиозные. Самым почитаемым праздником считалась Пасха: *«Пасхи все ждали мы, очень ждали!»* Неотъемлемой частью любого праздника было чаепитие, неизменными атрибутами которого являлись самовар и сладости. Молокане *«чаевничали в кругу семьи».* Обязательно пекли *паску*: *«Круглую паску пекли, ну, как булку. Потом ее украшают, мажут ее сметаной. Намажут и крошат конфеты. Разные такие конфеты, и посыпают ее».*

Спиртные напитки молокане не употребляли вообще, не курили: *«Без водки все у молокан, у молокан чаепитие, каждый свою родню и знакомых приглашает на Паску домой. Только домой, чужих не было. Дома справляли, но без водки. Не курили, нет. Это потом молодежь где-нибудь курила, а старики – нет».*

Детей воспитывали в строгости. С малых лет прививали им уважение к старшим, требовали во всем послушания и подчинения. Дети росли в труде, они не имели права во время праздника вместе со взрослыми садиться за один стол, им накрывали отдельно: *«Детей каждый хотел хорошо воспитать. Раньше так не лелёкались с детьми. А если заработаешь, сразу получишь хворостину. Ты уже в другой раз боишься. Детей не возили никогда с собой в гости. Никогда не брали нас с собой в гости. Нас отец уже за день предупреждал: «Вот если завтра приедут гости, если кто к столу подойдет, даже не думайте, что я вам потом прощу за это». А когда гости приедут, сядут за стол, и никто из детей никогда не пикнет».*

Приведем воспоминания благовещенки Галины Кузьминичны Алексеевой, 1946 г.р., предки которой – молокане Умрихины и Поповы, уроженцы Тамбовской и Рязанской губернии, – переселились в Амурскую область из Таврии в середине XIX в.:

«Была мама. Молодая, красивая, ушедшая на фронт в 1943 г. в 19 лет и там встретившая отца – 25-летнего курского парня. Мама прожила всего 45 лет. Она была необыкновенная: столько, сколько она успевала сделать за день, не мог сделать никто. Никто так чисто не стирал белье, не пек таких ароматных булочек, ни у кого не было такого вкусного чая с молоком. С этого чая с молоком все и началось. Православный и крещеный отец то ли в шутку, то ли всерьез называл некрещеную свою жену «молоканка». А я смеялась и любила пить чай с молоком. «Молоканка – та, которая любит чай с молоком», – думала я. И лишь годам к семнадцати узнала, что молокане – это целое сословие, особый народ, как у нас говорили. Они все были очень близки мне по характеру, поступкам, взглядам на жизнь.

Это были мои родственники. Это о них я прочитала в книге Л.Антоновой «Заслон», когда уже сознательно стала изучать историю своей семьи: «...в далекой от здешних мест Таврии красивые и гордые люди,.. отказавшись поклоняться «деревянному богу», побросали в огонь иконы, перестали ходить в церкви, пить вино, есть свинину и соблюдать посты. Дело о вероотступниках дошло до Священного Синода. Новая вера получила название «молоканской ереси», а ее последователи за свое вольнодумство были приговорены к высылке в малонаселенные края. Старики, бывало, потом шутили, что «ехали, мол, сначала на волах, потом на верблюдах, а там уж добирались на комарах» [5, с. 6].

Красивые и гордые люди. Красивы были мои бабушка с дедушкой, их родственники и друзья: Поповы, Умрихины, Саяпины, Косицыны. Всегда трезвые, чисто одетые (хотя многие из них были просто мещанами), всегда улыбающиеся, хлебосольные, без грубых слов, обид. От них всегда веяло спокойствием, уверенностью и добротой.

Дед Николай, статный красавец из зажиточной торговой молоканской семьи, вопреки воле родителей женился на бедной мещанке Марии, голубоглазой, длиннокосой, строгой красавице Марусе, Марии Васильевне. «На нашей свадьбе не было ни капли водки», – сказала мне как-то бабушка. Очень удивившись, я спросила: «И было весело?». «Да», – мечтательно улыбнулась старая женщина. Такой нежной любви и привязанности до последних дней жизни, как у моих бабушки и дедушки, я не встречала.

Отделившись после свадьбы и не получив никакого капитала (женился на бедной), дед должен был работать сам, чтобы содержать семью. Может быть, это и к лучшему: приближался 1917 год. Первая его должность – приказчик оптового магазина Торгового дома «И.Я.Чурин и Ко». Дед вспоминал, что в первые годы работы, открывая магазин, обходя его, проверяя готовность к новому дню, он то там, то здесь находил словно кем-то оставленные мелкие деньги. Умный и очень честный, он понял, что этим проверяют его. В действительности оказалось именно так: хозяин специально подбрасывал мелочь, проверяя честность деда.

До последних дней жизни мои родственники никогда не жили «взаймы», а помогали сами, чем могли: кому-то сумкой картошки со своего маленького огорода, кому-то банкой

малинового варенья, кого-то приютили в своем доме месяца на два-три. И это были старики на девятом десятке жизни.

Бабушка меня учила: «Постельного белья должно быть много. Оно разное, но не яркое, с неброским рисунком, без вязаных крючком украшений. А наволочки и простыни только белые». Белым было и бабушкино белье. Длинная нижняя юбка в «татьянку» на узком пояске и пуговичке, лиф до пояса (своеобразная кофточка) с овальным вырезом на маленьких пуговицах впереди. Нет ни кружав, ни вышивки – все ослепительно белое и крахмальное.

Не сказать, чтобы бабушка была кулинаркой, но блюда, приготовленные ею, запоминались навсегда: они поражали каким-то особым вкусом. Не было особых приправ, одни натуральные продукты, но их вкус я помню до сих пор. Щи, тушеный картофель, гусятинная лапша, блинчики. О последних особый рассказ. Сначала их просто пекли, много-много, пили с ними чай, а утром оставшуюся стопку блинов разрезали на четыре части и заливали кипящим молоком со сливочным маслом. Мы, ребятишки, просто обожали такие завтраки да с чаем с молоком. Пирожки и булочки пеклись только в печи, но чаще всего калачики. До сих пор хранятся в семье рецепты, записанные рукой дорогих мне людей. Калачики пеклись на кислом молоке и топленом сливочном масле. И в школу, чтобы перекусить на перемене, нам давали эти вкусности. А еще были кисели. Всякие: брусничные, яблочные. Но из самого раннего детства вспоминаются молочные, а к ним лапша. Она была только домашнего приготовления. Тесто раскатывалось так тонко, что просвечивало, затем подсушивалось, сворачивалось в рулон и резалось опять же тонко-тонко. Однажды я заболела, ничего не хотелось есть, и мне принесли гусятинной лапши, сказав, что если съем ее, то сразу поправлюсь. Не знаю, лапша ли тому причина, но я быстро пошла на поправку. Гусятинной лапши мы давно не едим, но на рождественском столе в нашей семье гусь есть всегда.

В семье было много традиций: поддерживалось родство, знали всех: и близких и дальних родственников. Писали письма, обязательно поздравляли с праздниками, дарили подарки. В нашей семье дарить подарки было привилегией дедушки. Он приходил в праздники пораньше и дарил кому книжку, кому карандаши, кому косынку. Много забылось, но его подарочки запомнились. И еще запомнилось его лицо, радостное, одухотворенное. Он был необыкновенный оптимист. Мой дед умел жить, радоваться жизни, и прожил он 90 лет.

В семье ценился порядок, за стол садились только всей семьей. Завтрак, обед, ужин – все строго, чинно. Не на кухне, а в столовой, за круглым столом. Стулья с очень высокими спинками, чай в очень тонких стаканах с серебряными подстаканниками, белые тарелки, тяжелые серебряные ложки – все это осталось где-то далеко-далеко позади.

Наши дома. На Новой, Шимановской, Пушкина. В них жили родные мне люди. Каждый дом запомнился особыми приметами. На Шимановской (бывшей в то далекое время Буссевской) был большой просторный двор, заросший травой-муравой, высокие ворота и заплот, очень высокий сарай с покатой крышей. И в доме было все необыкновенно. Особенно запомнился письменный столик-конторка: покатая крышка, множество маленьких ящичков. Наверное, за этой конторкой писали мои бабки-гимназистки где-то в позапрошлом веке.

Сейчас нет ни дома, ни конторки, остались только два подсвечника из тонкого серебра. В особо торжественных случаях мы зажигаем свечи в этих бабушкиных подсвечниках.

Вот дом на Пушкина. Я уже большая. Третий класс. Мир воспринимается по-другому: хочется знать все о взрослых. Где служат? Чем занимаются? И оказывается, что дед в свободное время любит столярничать, а чулан – это его мир, где властвуют пилы, рубанки, стамески. Я знаю, как выглядят все эти инструменты и зачем они нужны, а мои внуки – нет. Только в музее я теперь вижу эти вещи, они туда пришли, словно из чулана деда.

Запомнилось, как бабушка, проснувшись утром, надевала свои замысловатые одежды: нижнюю юбку, лиф, а потом платье (не юбку, не халат, а платье). Расчесывала очень длинные волосы, заплетала косы и укладывала их вокруг головы короной. От дома на Пушкина остались только фотографии: бабушка-красавица с короной кос на голове и статный дед.

На Новой было два дома. Высокие, с верандами, застекленными с трех сторон, полные света и солнца. Много цветов: в саду, палисаднике, во дворе. А на веранде круглый год цве-

тет олеандр и раскидывает огромные лопасти фикус. Половина огорода засажена малиной, и мы, дети, лакомимся ею все лето.

Это места моего детства, самые дорогие и близкие, там корни моего родового древа.

Из рассказов родственников узнала, что родом они из Тамбовщины и Рязанщины, а потом из Таврии. Что дед – старший сын в семье, что все его братья и сестры получили хорошее образование и воспитание, закончили гимназии в Благовещенске, продолжили учебу в Москве и Петербурге, многие там и осели.

Помню свою прабабушку Антонину Николаевну, учившую меня, как протирать серебряные вилки, как отдельно от всего белья стирать посудные льняные полотенца. Вспоминаю, как боялась ее строгости моя бабушка, пришедшая молоденькой невесткой в дом на улицу Бусевскую. Помню, как сидя на крыльце веранды по улице Новой, бабушка рассказывала о жизни в то далекое время.

Хочется и сейчас окунуться в тот мир, когда выскоблен промытый пол, подбелена печь, вымыты цветы, подметены кирпичики у крыльца. Чистота и покой, а мы ведем разговор. Они научили меня соблюдать во всем чистоту, чувствовать вкус труда, испытывать радость от хорошо выполненной работы и просто жить, радуясь каждому моменту жизни».

Воспоминания о жизни молокан в Приамурье оставил и Александр Аркадьевич Кауфман – известный русский экономист и статистик, путешествовавший в начале прошлого века по Амуру. В настоящем издании мы продолжаем публикацию глав из его книги «По новым местам. Очерки и путевые заметки. 1901-1903» (СПб., 1905), начатую в четвертом выпуске альманаха. В этом номере публикуется глава «Амурские помещики», посвященная молоканам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базарянинов В. О современном состоянии сектантства в Тамбовской епархии и о влиянии на религиозные запросы народа событий истекшего 1905 года // Тамбовские епархиальные ведомости. 1906.
2. Дубова Н.А. Антропологический облик русского сельского населения Закавказья // Духоборцы и молокане в Закавказье. М., 1992.
3. Никитина С.Е. Русские конфессиональные группы в США: лингвокультурная проблематика // Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В. Красильниковой. М., 2001.
4. Иникова С.А. Секты духоборцев и молокан: из прошлого в будущее // Исторический вестник. М.-Воронеж, 1999.
5. Антонова Л. Заслон. Роман. Хабаровск, 1973.

А.А. Кауфман

АМУРСКИЕ ПОМЕЩИКИ

Вот, совсем недалеко от Благовещенска, за Зеей, Будунда, сожженная маньчжурская деревня. Остатки стен, груды перегоревшей глины, местами почти не повреждённые огнём конусообразные печи, обгорелые столбы изгородей, кое-где валяются маленькие жерновки китайских ручных мельниц, на огородах гряды, заросшие густым и крупным бурьяном, среди которого местами пробивается самосевный лук.

– Народ-то куда девался? – спрашиваем ямщика.

– Ушли, – нехотя отвечает ямщик. – А которых побили, – добавляет он после непродолжительного молчания, – кто уходить не хотел. Как стали жечь Будунду, они похоронились в траве да в кустах, послали команду их искать, да всех и перебили.

– Кто же бил-то? – спрашиваем.

– Да так, всякий народ: которые деревенские, а больше шпана из города набралась. Ну, тоже и имуществом покорыстовались, которого маньчжуры в землю не попрятали.

Миновав Будунду, едем долиною Зеи, по извилистой, торной дороге, пересекая широкую полосу бывших маньчжурских пашен. Теперь это сплошные заросли высокого бурьяна,